

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)6
Г20

Публикация подготовлена в результате проведения исследования № 14-05-0036 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014–2015 гг., а также при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

**Еврейский
музей**
ИЗДАНИЕ ТРАДИЦИОННО

Издание осуществлено при финансовой поддержке Еврейского музея и Центра толерантности

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynne Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов, Э. Каррер Д'Анкосс
(*Hélène Carrère D'Encausse*), В. П. Лукин, С. В. Мироненко, В. Пасат
(*Valériu Pasat*), Ю. С. Пивоваров, А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин, Ш. Фицпатрик
(*Sheila Fitzpatrick*), М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

Составление, общая редакция и вступительная статья
О.В. Будницкого и Л.Г. Новиковой;
перевод и примечания Л.Г. Новиковой, М. Байссвенгера,
Т.Л. Ворониной, В.Л. Гайдук, И.А. Махаловой, В.Л. Плещельман,
А.С. Реунковой и А.С. Чернявской

**Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой
Отечественной войне** / сост., общ. ред. и вступ. статья О.В. Будницкого
и Л.Г. Новиковой. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 489 с. :
ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2289-7

В 1950–1951 гг. исследователи из Гарвардского университета провели интервьюирование нескольких сотен послевоенных эмигрантов – бывших советских граждан. Они все еще находились в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии. Исследователей интересовала социальная структура советского общества, настроения советских людей. Среди респондентов были рабочие и крестьяне, интеллигенты, бывшие офицеры Красной армии и участники коллаборационистских формирований, журналисты и управляющие предприятиями, лидеры национальных движений. Всех их объединяло одно – неприятие советской власти. Интервью брались на условиях анонимности, имена респондентов нигде не должны были фигурировать. Интервью записывались на английском языке. Их тексты сохранились в библиотеке Гарвардского университета. В настоящем томе впервые на русском языке публикуется часть интервью, посвященных периоду войны. Книга рассчитана как на специалистов, так и на всех читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-8243-2289-7

© Будницкий О.В., Новикова Л.Г.,
составление, вступительная статья, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД С «ДРУГОЙ СТОРОНЫ»

Вторая мировая война стала одним из поворотных моментов в истории России XX в. После окончания боевых действий Советский Союз, по образному выражению Стивена Ловелла, продолжал жить «в тени войны»¹. Война стала новой точкой отсчета, определив самовосприятие и систему ценностей советского общества, во многом затмив собой даже значение Октябрьской революции. Как отмечают некоторые историки, в послевоенные годы военные заслуги больше, чем классовое происхождение или партийный билет, стали определять положение человека в советской системе². До сих пор в исторической памяти в современной России война продолжает занимать центральное место.

Великая Отечественная война является также чрезвычайно популярной темой исторических исследований. Вместе с тем многие ее аспекты остаются вовсе неизученными или изученными недостаточно. Историки пока слишком мало знают о том, как именно война повлияла на жизнь отдельных людей и на общество в целом на уровне повседневного опыта. Как отразилась война на мировоззрении миллионов крестьян, сражавшихся в рядах Красной армии? Как отразилось на мировосприятии советских людей пребывание за границей? Ведь впервые миллионы советских граждан увидели другой мир, хотя и в экстремальных условиях войны. В советской и современной российской историографии, вне зависимости от того, были ли эти работы нацелены на конструирование героического нарратива о Великой Отечественной войне или на его «разоблачение», долгое время преобладали военно-политические сюжеты. При этом социальные аспекты истории советского общества периода войны были изучены в очень незначительной степени. Военно-исторические исследования доминировали в западной историографии, также не уделявшей особого внимания повседневной жизни и настроениям

советского общества в годы войны. Долгие годы единственной влиятельной работой в этой области оставалось исследование Александра Верта «Россия в войне 1941–1945»³. И лишь в последние полтора десятилетия, как в связи с открытием советских архивов, так и с усилением интереса к социальной истории стали появляться исследования, посвященные, в частности, социальной истории Красной армии⁴, работы, по-новому трактующие партизанское движение в Великой Отечественной войне⁵, исследующие влияние войны на советское общество⁶. Предметом ряда работ стали также жизнь и настроения населения под нацистской оккупацией и история коллаборационизма⁷. Тем не менее изучение истории советского общества в годы войны, включая повседневную жизнь на фронте, в тылу и под оккупацией, а также противоречивое отношение части населения к войне, все еще далеко отстает по степени изученности от других аспектов истории Второй мировой войны.

Написать полноценную историю войны на Восточном фронте невозможно, опираясь только на «официальные» материалы, пусть даже не предназначенные для публикации и хранящиеся в архивах. В особенности это касается социальной истории войны, идет ли речь о фронте, тыле или оккупированных территориях. Однако сотни, если не тысячи мемуарных текстов, опубликованных в советское время, по большей части бесполезны для историка. Точнее, они могут быть полезны разве что для исследователей «политики памяти». Добавим, что воспоминания ветеранов почти всегда записывались «литературными неграми».

Ситуация радикально изменилась в 1990-е гг. В бывшем СССР произошла не только «архивная революция» – случилась «революция памяти». Были опубликованы сотни, если не тысячи воспоминаний, в редких случаях написанных в советское время «в стол», но в основном созданных на волне пересмотра истории советского прошлого. Однако мемуары, написанные в постсоветские годы, также являются не самым надежным источником, поскольку на индивидуальную, как и на коллективную, память наложили отпечаток и сформировавшийся «канон» истории Великой Отечественной войны⁸, и меняющиеся общественные настроения. И чем дальше от исторического события, тем этот отпечаток заметнее. Наиболее массовые источники личного происхождения военного времени – письма – цензуровались, что было хорошо известно военнослужащим.

В результате письма, по сути, проходили «двойную цензуру» – внутреннюю и внешнюю. На наш взгляд, наиболее аутентичными и ценными источниками личного происхождения по истории войны являются дневники. Война не была подходящим временем для ве-

дения дневников, тем более что вести их, как правило, запрещалось (хотя какого-либо специального постановления или приказа, видимо, издано не было, вести дневники запрещали из общих соображений о соблюдении секретности). Тем не менее, как показывают недавние публикации, сотни военнослужащих, как и советские граждане в тылу и на оккупированных территориях, вели дневники, невзирая на небезопасность этого занятия и прямые запреты⁹. Однако же дневники при всей их ценности трудно отнести к массовым источникам.

Возвращаясь к «революции памяти» 1990-х – 2000-х гг. В этот период были записаны тысячи интервью с ветеранами войны. С ними беседовали преимущественно энтузиасты изучения военной истории, историки-любители. Проблемы с интервьюированием ветеранов очевидны: во-первых, были записаны рассказы людей, доживших до конца XX – начала XXI века; подавляющее большинство ушедших так и остались безмолвными, во-вторых, интервью давали совсем не те люди, какими они были полвека или более того назад – кроме естественной аберрации памяти, жизненный опыт, прочитанное, услышанное и увиденное не могло не сказываться на рассказах ветеранов. Сказывалось также невольное стремление следовать установившемуся канону. Наконец, интервью не всегда брались на профессиональном уровне, к тому же нередко редактировались, причем иногда без оговорок.

Учитывая эти обстоятельства, трудно переоценить значение более чем 70 интервью, взятых у послевоенных эмигрантов из СССР и посвященных периоду Второй мировой войны. Интервью были записаны пять-шесть лет спустя после окончания войны в рамках Гарвардского проекта. Прежде чем перейти к характеристике интервью, публикуемых в этой книге, приведем краткие сведения об интервьюируемом контингенте – эмигрантах так называемой второй волны и собственно о Гарвардском проекте.

Вторая мировая война, наряду с прочими последствиями, привела к возникновению «второй волны» русской эмиграции. Она состояла из советских граждан, угнанных на работу в Германию, советских военнопленных, решивших не возвращаться в СССР, а также людей, ушедших на Запад вместе с отступающей германской армией. Последняя группа состояла преимущественно из тех, кто сотрудничал в той или иной степени с оккупантами и опасался возмездия за свою деятельность. В состав «второй волны» вливались и разного рода невозвращенцы и перебежчики военного и послевоенного времени. Их численность была незначительна по сравнению с другими группами, но их отказ вернуться на родину или переход границы нередко производили наибольший эффект, вроде случая с советским

инженером-снабженцем Виктором Кравченко, выпустившим ставшую мировой сенсацией книгу «Я выбрал свободу»¹⁰, или перелета на Запад советских летчиков¹¹.

В общей сложности, по консервативным оценкам, за рубежом осталось около полумиллиона граждан СССР¹². Этих новых эмигрантов принято также называть перемещенными лицами или «ди-пи» (от англ. «displaced persons»). Вплоть до начала 1950-х гг. многие из них находились в лагерях «ди-пи» на территории Западной Германии и Австрии. Постепенно «ди-пи» расселялись по свету, оседая главным образом в Великобритании, Австралии, США и Канаде. Практически все эти люди имели опыт жизни в оккупации, некоторые были коллаборационистами, а именно служили в том или ином качестве в германских вооруженных силах или патрионируемых нацистами вооруженных формированиях («Русская освободительная армия» генерала А.А. Власова и др.), гражданской оккупационной администрации, печатались в оккупационных газетах и журналах.

В условиях холодной войны в США резко активизировалось изучение Советского Союза, который был для западного мира в значительной степени «черным ящиком». В конце 1940-х – начале 1950-х гг. был осуществлен Гарвардский проект – интервьюирование тысяч перемещенных лиц с целью понять, что собой представляло советское общество и как люди в СССР будут вести себя, например, в случае войны. В числе прочего интервьюеров интересовал военный опыт эмигрантов, в частности, жизнь в оккупации.

Исследование Советского Союза заказали «новорожденному» Русскому центру Гарвардского университета американские военно-воздушные силы (ВВС)¹³, преследовавшие вполне прагматические цели: понять, как функционирует Советский Союз, какова его обороноспособность, чего можно ожидать в случае войны, как население будет реагировать, скажем, на бомбардировку крупных городов. Среди вопросов, которые военные хотели выяснить, был, к примеру, следующий: «Имеются ли такие цели для ВВС, которые, будучи атакованы или уничтожены, будут способствовать максимизации позитивной психологической реакции по отношению к атаковавшим силам или минимизации негативной психологической реакции?»¹⁴. Военные разработали два тематических блока вопросов: «О моральном духе советских людей в годы Второй мировой войны» (42 вопроса) и «О моральном духе советских людей в годы после Второй мировой войны» (28)¹⁵. К сожалению для историков Второй мировой, ученые предпочли использовать более тонкий инструментарий и подойти к задаче шире. Бесспорно, в результате получился более

качественный «продукт» – «портрет» советского общества 1930-х – 1940-х гг., однако сугубо военно-исторические сюжеты если не отошли на второй план, то заняли место в ряду прочих. Если военных интересовала прежде всего обороноспособность СССР и в связи с этим настроение населения, его отношение к власти и поведение в годы недавно закончившейся войны, то исследователи, учитывая пожелания заказчика, в то же время полагали, что и на эти специфические вопросы можно получить адекватные ответы лишь в том случае, если будет воспроизведена и проанализирована более широкая картина. К тому же ученые справедливо считали, что если респондентам будет понятен прагматический характер исследования – выяснение обороноспособности СССР и, в частности, возможной эффективности бомбардировок, то это может привести к отказам эмигрантов от участия в такого рода исследовании или к неискренним ответам.

В конечном счете было достигнуто соглашение, что задачами проекта является изучение партийной и советской администрации, вооруженных сил, экономики, образования, здравоохранения и национальной политики; предметами исследования стали также партизанское движение в период Второй мировой войны, проблемы в семьях и отношение населения к немецкой оккупации.

Руководителями проекта были социолог Алекс Инкелес (Inkeles) и социальный психолог Рэймонд Бауэр (Bauer). Общее руководство осуществлял директор Русского центра Клайд Клакхон (Cluckhohn). В проекте принимали участие многие известные социологи, антропологи, политологи и историки. В общей сложности проект реализовывался, не считая подготовительной стадии и последующей, уже вне формальных рамок «заказа» работы исследователей с собранными материалами, с июня 1950 по январь 1954 г.

Центральной частью проекта было интервьюирование «ди-пи», проводившееся с сентября 1950 по май 1951 г. в Западной Германии¹⁶, где все еще существовали лагеря для перемещенных лиц. Через полгода после завершения проекта, на 1 января 1952 г., там находились почти 85 тыс. бывших советских граждан¹⁷. Организация интервьюирования, проводившегося сотрудниками проекта и вспомогательным персоналом, вряд ли стала бы возможной в таком масштабе без содействия мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР. Институт был создан эмигрантами, причем все они в период Второй мировой войны в той или иной степени сотрудничали с нацистами. Большинство, включая директора института Б.А. Яковлева (Н.А. Троицкий), являлись активными участниками «власовского движения». Сотрудники института провели кампанию по оповещению, «агитации» и подбору респондентов¹⁸.

Сотрудники проекта и вспомогательный персонал провели 694 интервью, из них 276 общих, по определению Д. Бранденбергера, «социологических» интервью («интервью серии А») и 418 более углубленных, «антропологических» («интервью серии В»); позднее в Нью-Йорке были проведены еще 70 «контрольных», таким образом, общее число интервью достигло 764 (329 серии «А» и 435 серии «В»). Опрашиваемые подразделялись на три большие группы: бывшие военнопленные, бывшие остарбайтеры (люди, насильственно доставленные на работу в Германию; в редких случаях «восточные рабочие» приезжали в Германию добровольно) и коллаборационисты, избежавшие репатриации. Кроме проведения интервью распространяли около 10 тыс. подробных анкет, данные которых впоследствии обобщили, проанализировали и свели в таблицы¹⁹.

Анкеты были составлены и интервью проведены на уровне последних достижений социальных наук того времени. Некоторые вопросы были довольно замысловатыми, например:

«Два 18-летних школьника однажды ночью возвращались домой после изрядной попойки. Один из них подговорил другого полезть на статую Ленина и одеть (так в тексте. – *О. Б.*) свою шапку на голову Ленина. Как раз, когда этот школьник взбирается на статую, проходит милиционер. Первый мальчик успел удрать, но второго поймали.

Что с ним сделает милиционер?

А. Будет ли иметь значение в данном случае, кто такой его отец (отметить одно).

Да, имеет значение, кто такой его отец.

Нет, не имеет значения, кто такой его отец.

Б. Если да, то какое имеет значение, кто такой его отец?»²⁰.

Другие вопросы (возможно, здесь «имел место» компромисс с запросами ВВС) были составлены прямолинейно, к примеру, так:

«Поддерживаете ли Вы мысль о сбрасывании как раз теперь атомной бомбы на Москву с тем, чтобы уничтожить большевистских вождей, даже хотя это означает убийство тысяч невинных мужчин, женщин и детей? (отметить одно).

Да, бомба должна быть сброшена на Москву теперь.

Бомба должна быть сброшена только как последнее средство, после того как все иное не приведет к результату.

Нет, бомба не должна быть сброшена на Москву.

А. Насколько сильно Вы убеждены в этом? (отметить одно).

Совсем не сильно.

Не так сильно.

Относительно.

Очень сильно»²¹.

Респондентам предложили также специальный вопросник по теме: «Жизнь в условиях немецкой оккупации». В него были включены 38 вопросов, от самых общих (например, «Насколько Ваша личная жизнь во время оккупации отличалась от Вашей жизни при советской системе, скажем, Ваша жизнь в 1935 г. от жизни в 1941 г.?», причем респонденту предлагались варианты ответов: жизнь в оккупации была значительно хуже, немного хуже, примерно такой же или, напротив, лучше или значительно лучше) до более конкретных: сколько молока должны были сдавать крестьяне государству в 1940 и 1943 гг.; был ли разделен в период оккупации колхозный скот между дворами²²?

Интервью проводились анонимно, в том смысле, что подлинное имя респондента нигде не фигурировало и не записывалось. Однако уже в июне 1951 г. в русскоязычной нью-йоркской газете «Россия» появилось открытое письмо председателя «Российского антикоммунистического центра» Сергея Белосельского на имя президента Гарвардского университета Джеймса Конанта. Письмо Белосельского было вызвано, по его словам, главным образом тем «прискорбным фактом», что экспедиция Гарвардского университета «обратилась в Германии только к левым элементам среди русской эмиграции, совершенно пренебрегая большинством эмиграции, которое не разделяет социалистическую или даже марксистскую идеологию». В этом отношении Белосельский оказался не прав, однако с его другим замечанием: «Внимательно прочитав вопросы этого документа, я должен обратить Ваше внимание, что они так составлены, что личность скринируемого лица может быть легко раскрыта, хотя официально скринер не спрашивает имени лица, им опрашиваемого. Нет ничего удивительного в том, что лица, жившие в Советском Союзе, боятся предстать пред членами этой экспедиции»²³, – трудно не согласиться.

Боялись ли в самом деле эмигранты «предстать» перед исследователями, остается гадать, но вот в том, что установить личность интервьюируемого иногда было вполне возможно, прогноз Белосельского оказался во многих случаях точен. Советские спецслужбы до гарвардских материалов не добрались, да и вряд ли к этому особенно стремились, а вот любопытствующий историк-любитель уже в наши дни убедительно продемонстрировал, как можно, обладая, естественно, определенными знаниями по истории коллаборационизма в СССР и свободно ориентируясь в коллаборационистской печати, идентифицировать личность некоторых респондентов²⁴.

В нашу задачу не входит изложение истории и анализ Гарвардского проекта в целом. Методология исследования подробно изложена руководителями проекта в книге «Советский гражданин»²⁵, главном

«продукте» проекта. Отметим лишь некоторые технические и «социологические» особенности. Во-первых, для сохранения анонимности интервью не записывались на диктофон; интервьюеры делали записи рассказов от руки и, время от времени прерываясь, диктовали их на аудиограф. Если записи могли быть на русском или украинском языках, то диктовки производились исключительно на английском. Исходные материалы не сохранились, так что все тексты интервью, проводившихся на русском или украинском языках, существуют только в переводе на английский. Во-вторых, следует иметь в виду, что интервьюируемая группа была довольно специфической: бывшие военнопленные и остарбайтеры, решившие отказаться от репатриации в СССР (около 70% респондентов), или же перебежчики и невозвращенцы. Около 80% из них или сами пережили арест, или же были арестованы их родственники. При этом 24% опрошенных состояли прежде в партии или комсомоле²⁶. Иными словами, пребывание в рядах «авангарда» советского общества не было гарантией отсутствия антисоветских настроений или же радикального изменения взглядов под влиянием обстоятельств.

Проект, несомненно, принес гораздо больше пользы ученым, нежели политикам или военным. В 1953 г. группа американских сенаторов приводила его в качестве примера напрасно потраченных денег (*government waste*²⁷). Но должен же быть в конце концов какой-то прок и от правительства?

Наиболее интенсивно работа над собранными документами велась в 1950-е гг. В общей сложности сотрудники проекта опубликовали около 50 книг и статей²⁸. Как это ни удивительно, но в последующие годы работа над этим уникальным собранием шла не слишком активно: отчасти потому, что система указателей не позволяла быстро найти необходимые материалы, да и физическая сохранность машинописных текстов была весьма различной – некоторые страницы оказались довольно трудно прочесть.

Исследователей поначалу более всего интересовала социальная структура советского общества; именно так был озаглавлен путеводитель по материалам проекта, подготовленный в 1980 г. Марджори Балзер²⁹. Из 9 книг и 34 статей, написанных по документам проекта и учтенных в указателе Балзер, ни одна не была посвящена периоду Второй мировой войны³⁰. Среди неопубликованных материалов этому периоду посвящен обзор, подготовленный Александром Даллиным и Сильвией Гиллиам «Аспекты германской оккупации Советского Союза»; первая часть (Даллин) – об уязвимых сторонах советского общества, которые проявились в период немецкой оккупации³¹, вторая (Гиллиам) – о конкретном опыте жизни в оккупа-

ции и настроениях людей в этот период³². Кроме того, сохранились промежуточные отчеты (interim reports) Даллина «Реакции на германскую оккупацию в Советской России»³³ и «Бригада Каминского, 1941–1944»³⁴. В последнем исследовалось использование оккупантами в военных целях недовольства населения советской властью. Речь шла о вооруженных формированиях так называемой Локотской республики, коллаборационистского анклава, созданного при поддержке оккупантов.

Возрождение интереса к Гарвардским интервью начинается с 1990-х гг. По подсчетам Сэма Прендергаста, сведения, почерпнутые из интервью, использованы с тех пор как минимум в 60 исторических исследованиях, вышедших на английском языке. Правда, как не без оснований пишет Прендергаст, тексты Гарвардских интервью использовались не слишком интенсивно³⁵. С этим вполне можно согласиться, в особенности в отношении материалов по истории Второй мировой войны.

Жизни в оккупации посвящены 65 интервью в серии «В», партизанскому движению – 6; однако, сведения, относящиеся к периоду Второй мировой войны, в том числе жизни в оккупации и коллаборационизму, можно найти и в других интервью как серии «А» (некоторые из интервьюируемых были в прошлом офицерами Красной армии), так и серии «В». В чем уникальность этого источника и отличие материалов Гарвардского проекта от многочисленных проектов конца XX – начала XXI в., в ходе которых были записаны тысячи интервью ветеранов Второй мировой и Великой Отечественной войн? Во-первых, интервью брались всего пять-шесть лет спустя после окончания войны; думается, не требует специального разъяснения качественное отличие текстов, записанных пять или пятьдесят лет спустя после событий. Во-вторых, интервьюирование проводилось на профессиональном уровне (к сожалению, большинство современных проектов интервьюирования ветеранов – мы говорим о российских проектах – осуществляется историками-любителями; они делают благородное дело, однако методика проведения интервью, далекая от научных стандартов, и в особенности литературная редакция текстов, существенно снижают их качество). В-третьих, это уникальный случай массового интервьюирования людей, представлявших специфический сегмент советского общества. Точнее, общества, немалая часть которого не принимала советскую власть в целом или какие-то стороны советской действительности. Не принимала настолько, что была готова покинуть свою страну или даже пойти на сотрудничество с внешним врагом в надежде на изменение государственного строя. Собственно сотрудничество с врагом и получило в ходе Второй ми-

ровой войны название «коллораборационизм». Интервью позволяют получить сведения о мотивах коллаборационистов из первоисточника. Разумеется, принимать их собственные версии на веру не приходится. Как и любые другие источники личного происхождения, они требуют тщательного анализа.

В настоящем издании предпринимается первая попытка научной публикации текстов интервью Гарвардского проекта на русском языке. Уточним – тех интервью, в которых рассказывается о времени Второй мировой войны. Отметим, что значительная часть интервью, относящаяся к периоду Второй мировой войны, была переведена в последние годы историком-любителем и блогером Игорем Петровым³⁶. Впрочем, кто любитель, а кто профессионал, определяется вовсе не дипломом, а качеством работы. Что блестяще подтверждается «случаем Петрова». Ему удалось идентифицировать ряд респондентов Гарвардского проекта.

Настоящий проект вырос из семинара «Вторая мировая война: новые источники, новые подходы», который вел на протяжении четырех лет на факультете истории Высшей школы экономики О.В. Будницкий. Переводы и комментирование интервью Гарвардского проекта были поначалу учебным заданием студентов. Этому были посвящены два последних года семинара. Семинар со временем трансформировался в научно-учебную группу по социальной истории Второй мировой войны, самое активное участие в работе которой приняла канд. ист. наук доцент Л.Г. Новикова. Работа группы стала возможной благодаря гранту Научного фонда НИУ ВШЭ. Состав группы менялся, в нее входили не только студенты, но также магистранты и аспиранты факультета истории Вышки. Результаты работы группы публикуются в настоящем томе. Все переводы выверены и отредактированы Л.Г. Новиковой, ею же подготовлена существенная часть комментариев. Участие в составлении и редактировании комментариев принимали Т.Л. Воронина и М. Байссвенгер. Переводы были выполнены и тексты частично откомментированы В.Л. Гайдук, И.А. Махаловой, В.Л. Плещельман, А.С. Реунковой и А.С. Чернявской. Кроме того, в подготовке переводов и комментариев на разных этапах принимали участие А.Н. Волошина, Е.А. Воронова, К.Р. Галеев, Н.Р. Галявиев, Ю.А. Герасимова, Е.Е. Давыдов, А.А. Заплатина, Е.С. Кривцова, А.А. Каргашина, Н.В. Полковникова и А.В. Старков.

* * *

В этот сборник включены 37 интервью, которые составляют 10-й том материалов Гарвардского проекта. Данный том, который наряду

с 11-м томом имеет подзаголовок «список по теме военной оккупации» (wartime occupation schedule), является одним из двух томов проекта, непосредственно посвященных тематике войны и нацистской оккупации³⁷. Представленные в нем материалы уникальны по своему географическому охвату и по разнообразию рассмотренных тем.

Публикуемые в томе интервью описывают положение на огромной территории – от Мурманска до Кавказа, от Кубани и Белоруссии до Германии и Италии. Среди респондентов были простые рабочие и крестьяне, представители интеллигенции, бывшие офицеры Красной армии и участники коллаборационистских формирований, журналисты и управляющие предприятиями, лидеры национальных движений и немецкий управляющий хозяйством на оккупированной территории. Так как все интервью брались на условиях анонимности, имена респондентов нигде не должны были фигурировать. За респондентами были закреплены номера, под которыми интервью одного и того же респондента помещались в разных томах проекта. Только по этим номерам можно соединить разные части интервью и попытаться определить имя его автора. В настоящей публикации мы решили сохранить номера интервью, под которыми они расположены в архиве, приведя в примечаниях сведения об известных или возможных авторах того или иного интервью.

В тематическом отношении интервью 10-го тома можно условно поделить на три группы. К первой относятся интервью, которые были взяты у бывших военнопленных Красной армии; они описывают настроения в армии и обществе в начальный период войны, жестокий опыт плена и спасение, путь к которому для многих из них лежал через службу в рядах коллаборационистских формирований. Вторая группа текстов состоит из интервью «гражданских», описавших различные аспекты жизни населения под оккупацией. Наконец, к третьей группе можно отнести интервью с руководителями и участниками национальных комитетов и коллаборационистских формирований, создававшихся по национальному принципу. Среди интервью этой группы – также рассказы о практиках оккупации в национальных районах, прежде всего Кавказа и Юга России.

«Ленинград – Москва – Елец, и тогда всему конец», – такой фразой респондент (интервью 64) отразил пораженческие настроения в Красной армии летом – осенью 1941 г. У него, как и других интервьюируемых – бывших красноармейцев, оказавшихся в немецком плену, на первом плане стоит хаос, царивший в Красной армии в начальный период войны. Как свидетельствует автор, ожидания скорого крушения советского режима были распространены в тот период не только в армии, но и среди значительной части населения. Описание того,

что увидел респондент позднее, продвигаясь с наступавшей Красной армией на запад, ярко свидетельствует о том, почему эти настроения изменились: автору врезались в память пепел сожженных деревень и многочисленные трупы мирных жителей. Он рассказывает также о стычках с бандеровцами и о том, что украинские деревни казались внешне намного более благополучными, чем при советской власти.

Респондентом в интервью 27 также является красноармеец, мобилизованный в армию 18-летним подростком в 1941 г. и попавший в окружение при первом же немецком наступлении. Пережив пребывание в лагере для военнопленных под Ростовом, он описал ужасающие условия содержания солдат: голод, дождь, пронизывающий холод и смерть под открытым небом. Согласие на сотрудничество с власовской Русской освободительной армией помогло ему вырваться из лагеря. Говоря о жизни населения под оккупацией, он описывает сравнительно сытую жизнь крестьян, попытки советской стороны организовать партизанское движение, а также создание местных коллаборационистских формирований.

Рассказ о власовском движении приведен и в интервью 55. Респондент рисует «изнутри» жизнь коллаборационистских формирований и говорит о существовавших разногласиях. Также он повествует о своем бегстве в Германию в составе власовской дивизии. Власовцами были и респонденты в интервью 175 и 219. Интервью 175 принадлежит, как удалось установить, полковнику Красной армии С.Т. Койде, попавшему в плен в 1943 г. и после шести месяцев, проведенных в ужасающих условиях плена, примкнувшему к власовскому движению. Будучи близок к генералу Власову, он рассказывал о планах генерала и о взаимоотношениях в руководстве Русской освободительной армии. Интервью 219 – рассказ бывшего полковника Красной армии, попавшего в плен, в дальнейшем сотрудничавшего с немцами и занимавшего высокие посты в оккупационной администрации в Белоруссии. Интервью рассказывает о создании и деятельности Осинторфской бригады – особой русской части в составе войск Третьего рейха, созданной по инициативе и под руководством старых эмигрантов. Респондент состоял членом бригады, в том числе занимаясь вербовкой в бригаду советских военнопленных и их обучением. Респондент дает характеристики лидерам бригады, предоставляет сведения о структуре немецкой администрации на местах, об отношении населения к немцам, о партизанском движении и о социально-экономической ситуации в оккупированных белорусских городах и деревнях.

Интервью 143 принадлежит жителю Орловской области, попавшему в плен в первые месяцы войны и затем вступившему в состав

коллорационистской Русской освободительной армии. Первая часть интервью посвящена особенностям оккупационной политики на Орловщине: системе оккупационной администрации, политике в отношении колхозов и борьбе с партизанским движением. Далее респондент повествует о своей службе в русских формированиях вермахта, описывая детали военной и политической подготовки офицеров РОА.

Сотрудничество с немцами помогло выжить и респонденту интервью 67. Он также начал войну красноармейцем, попал в плен в начале 1942 г., чтобы не погибнуть, пошел на сотрудничество с немцами и стал работать в коллаборационистской газете в Риге. Как корреспондент он побывал во многих оккупированных районах и в интервью описал то, что видел и что тогда – работая на немецкую пропаганду – не мог освещать в печати. Его интервью богато описаниями видных коллаборационистов, коллаборационистской прессы, служителей церкви на оккупированной территории, но также и повседневной жизни под немцами.

Респондент интервью 46, еще один бывший военнопленный – уроженец Белоруссии. К началу войны он имел за плечами лишь школу-семилетку и полтора года обучения в фабрично-заводском училище. После немецкого вторжения последовал его призыв в Красную армию, потом – плен, далее – немецкий лагерь для военнопленных в Могилеве, откуда – что случалось нечасто – ему удалось сбежать. Укрылся он в родной деревне, где и прожил до конца оккупации. Наиболее интересные детали интервью – это жизнь белорусской деревни под немецкой властью, отмеченная разделом колхозного скота и возрождением земельной чересполосицы. Респондент говорит и о попытках жителей обезопасить себя как от репрессий со стороны немцев, так и от мести партизан: в его деревне существовали два старосты, регулярно сменявших друг друга, – один из них хорошо ладил с немцами, другой – с партизанами.

Похожая судьба была и у респондента интервью 20, попавшего в немецкий плен под Вязьмой. Он вернулся в свою деревню только для того, чтобы потом при наступлении Красной армии попасть в руки НКВД. В итоге он при первой возможности снова перебежал на сторону немцев. Главная тема интервью – жизнь в смоленской деревне под оккупацией. Респондент описывает положение колхозов, настроения крестьян, а также попытки немцев вести пропаганду среди населения.

Несколько особняком в этой группе стоит интервью 105. Оно содержит рассказ бывшего члена советской разведывательной группы, попавшего в плен в Финляндии и согласившегося работать на

немцев. Респондент признается, что хотя и являлся тогда кандидатом в члены партии, но уже с начала 1930-х гг. довольно критично относился к советской власти. В плену, оказавшись перед выбором между концентрационным лагерем и работой на немцев, он выбрал второе. Его интервью – любопытный рассказ о его работе на немецкую разведку, о попытках устроить диверсии в советском Мурманске и об агитации среди красноармейцев, которых он и его сотрудники убеждали перейти к противнику. Особенно хорошо в агитационном плане «работал» вопрос: «Разве вы хотите возвращения колхозов?». Он повествует также об особенностях организации немецкой пропаганды, о разведшколе в Эстонии и организации диверсий на территории СССР, а также о персоналиях известных коллаборационистов.

Ко второй группе интервью относятся рассказы мирных жителей, описывающих жизнь советских граждан после начала войны – в советском тылу и под оккупацией. Интервью 144 – яркое свидетельство о московской панике середины октября 1941-го, в момент приближения немцев к столице. Ожидание и даже уверенность в том, что советская власть долго не выстоит, многим придали смелости: люди уже, не стесняясь, ругали советский режим и жгли коммунистическую литературу. Респондент говорит, что хотя атаку на Москву удалось отбить, панические настроения возрождались едва ли не при каждом успехе немцев на фронте.

В ряде интервью описывается опыт жизни под оккупацией – в городе и в деревне, в разных уголках захваченной территории. Интервью 7 представляет краткий рассказ судового механика, который описывает опыт немецкой и румынской оккупации в Одессе и Крыму. Автор отмечает обилие продуктов питания – по сравнению с советскими временами, в частности, на территории, находившейся под румынской оккупацией. В интервью 22 о своей судьбе в годы войны рассказывает бывший заключенный ГУЛАГа. Выйдя из лагеря накануне войны, он жил под оккупацией в г. Сальске Ростовской области. Непримирымый противник советского режима, он именно с нацистами и нацистской политикой связывал надежды на улучшение экономического и политического положения населения, отмечая положительный эффект от раздела колхозной земли между крестьянами. Бывшим заключенным ГУЛАГа был и автор интервью 32, вышедший на свободу накануне войны и ставший свидетелем немецкой и румынской оккупационной власти на Кубани. Автор описывает поспешную эвакуацию советских учреждений, сопровождавшуюся подрывом заводов и расстрелами заключенных, которых нельзя было вывезти. За расстрелами НКВД последовали расстрелы, производимые немецкой оккупационной властью. Особенно автора поразили

расстрелы еврейских детей, которые, услышав об участии других еврейских семей, просили, чтобы их «расстреливали не больно». Рисуя широкую палитру жизни под оккупацией, респондент говорит о религиозном подъеме среди населения, о роспуске колхозов, о деятельности казацких атаманов и украинских коллаборационистов. Главное же – он хорошо документирует, как и почему менялось отношение населения к оккупационной и советской власти.

О повседневной жизни при немцах, о коллаборационизме и преступности и о политике оккупационных властей повествует также респондент интервью 59. Молодая женщина, химик по профессии, происходившая из интеллигентной семьи, она подробно описывает отношения между русскими и украинцами и национальную политику немецких властей. Она показывает, как ужесточение оккупационной политики со временем изменило отношение к немцам со стороны населения.

Интервью 30 переносит рассказ на Смоленщину. Территория эта после захвата немцами была позднее ненадолго освобождена Красной армией, чтобы потом вновь оказаться под нацистской оккупацией. Респондент говорит о бедствиях и голоде среди населения, пострадавшего от массовых изъятий продовольствия: беспорядочными реквизициями отметилась как отступавшая Красная армия, так и нацистские оккупационные власти. Рассказ насыщен деталями жизни под оккупацией: респондент рассказывает о стихийном роспуске колхозов и открытии церквей; он упоминает о случаях, когда члены коммунистической партии продолжали занимать руководящие позиции в местной администрации при немцах. Повествует он и о страхе населения перед атаками советских партизан.

О возрождении церкви на оккупированной территории рассказывает также респондент 96, называющий себя православным священником. Он повествует о религиозной политике в СССР в годы войны, отмеченной «церковным нэпом», а также о положении церкви на оккупированных территориях, прежде всего на Украине. Он говорит о существовании Украинской автокефальной и Украинской автономной церквей, между которыми имелись политические разногласия. Описывая возрождение церковной жизни на оккупированных территориях, респондент признает, что церковную службу посещали в основном люди старшего поколения. Но, как он отмечает, и молодые люди порой принимали крещение и вступали в церковный брак.

Во многих интервью упоминания об освобождении от жестоких ограничений, наложенных ранее советской властью, сопровождаются описанием еще более ужасающей жестокости немцев. Так, в интервью 33, повествующем о жизни в Виннице под оккупацией, гово-

рится, что главной чертой быта города и окрестностей в годы войны являлся террор: виселицы на улицах города, ограбление населения и насильственный сгон на принудительные работы – таковы были практики оккупации. В то же время респондент отмечает, что население нередко сотрудничало с оккупантами, в частности, выдавая им партизан в первый период войны. Говорит он и о городской повседневности – о работе промышленности, открывшихся начальных школах и других чертах жизни под оккупацией.

Как показывает респондент интервью 102, многие жители связывали с приходом немцев собственные надежды. Сам респондент был сыном землевладельца, потерявшего свои владения после большевистской революции; он рассчитывал на то, что немцы восстановят его былую собственность и привилегии. Он описывает положение в Днепрпетровске и других украинских городах и селах. Респондент детально рисует ситуацию в управлении промышленностью и сельским хозяйством, отмечая, что к управлению колхозами и заводами привлекались фольксдойче³⁸ – этнические немцы, нередко не имевшие никакой квалификации, но зато отвечавшие нацистским расовым критериям. Респондент отмечает также недовольство крестьян, вызванное распоряжением сохранить колхозы. Но все же, по его утверждению, в основном население мирилось с оккупационной властью, так как думало, что немцы пришли надолго. Многие вплоть до самого прихода Красной армии не верили в то, что Советы вернутся.

Среди тех, кто сотрудничал с немцами, были не только идейные противники Советов, но и те, кто раньше сам являлся частью советского аппарата. Так, интервью 147 – рассказ активного коллаборациониста, в прошлом сотрудника НКВД, попавшего под маховик сталинских репрессий и получившего лагерный срок. Еще до войны ему удалось бежать из ГУЛАГа. Встретив оккупацию в Харькове, он был принят на службу в оккупационную администрацию как специалист по советской паспортной системе. Позднее он участвовал в организации диверсионных операций на советской территории. Его рассказ раскрывает, как люди пользовались оккупацией для сведения счетов: он случайно встретил в Харькове двух сотрудников НКВД, в прошлом его личных врагов, и после трех дней допросов их расстрелял.

Палитру свидетельств о практике оккупации дополняет интервью 121. Из ряда других свидетельств оно выделяется тем, что респондентом был человек из рабочей среды. Будучи при этом личностью творческой и чрезвычайно предприимчивой, респондент попробовал себя в разных ролях – от электрика до актера массовки в театре, от коллаборациониста-полицейского, патрулировавшего территорию у Дона, до крестьянина. Он был призван в Красную армию после уxo-

да немцев, однако смог избежать службы, отстрелив себе пальцы на руке, о чем респондент откровенно рассказывает. Его интервью – это, с одной стороны, описание драматической судьбы человека, жившего под немецкой властью. Одновременно это «моментальный снимок» различных граней жизни под оккупацией, в городе и деревне, вблизи фронта и в тылу.

Дополняет рассказ об оккупационной политике нацистов интервью под нестандартным номером G-2. Это редкое интервью из материалов Гарвардского проекта, где точно известно имя респондента. Им был Отто Шиллер, бывший атташе Германии по вопросам сельского хозяйства в Москве, позднее – чиновник, занимавший руководящие посты в нацистской администрации и сыгравший значительную роль в разработке германской сельскохозяйственной политики на оккупированных советских территориях. Интервью представляет уникальную информацию о разработке и осуществлении сельскохозяйственной политики Третьего рейха на Востоке. Автор освещает изнутри механизмы принятия важных экономических и политических решений и показывает противоречивое отношение оккупационных властей к таким вопросам, как роспуск колхозов, передача крестьянам земли в пользование, размер и регулирование продовольственных повинностей населения. Информант особенно подчеркивает несогласованность между разными уровнями немецкой администрации; также он убедительно показывает, что политика на местах нередко определялась позицией регионального руководства и могла заметно различаться от региона к региону. Это интервью представляет как бы взгляд с другой стороны, со стороны члена нацистской администрации, на те проблемы, которые описывали другие респонденты.

К третьей группе относятся те интервью из 10-го тома Гарвардского проекта, которые принадлежат участникам национальных формирований или свидетелям оккупации в национальных районах. Респондентами во многих из них были деятели национальных движений, пытавшиеся утвердиться под нацистской властью. Яркий пример – интервью 76, автора которого удалось установить – это калмыцкий публицист и общественный деятель Шамба Балинов, известный своим участием в создании коллаборационистских калмыцких отрядов. Он описывает деятельность национальных комитетов при немцах, в частности, Калмыцкого национального комитета, главой которого он являлся. Респондент говорит и в целом о немецкой политике, и о том, как она проявилась на Украине, в Крыму, на Кавказе и на других территориях, и отмечает, что именно эта политика изменила отношение населения к немцам с благожелательного или нейтрального на резко негативное.

Интервью 15 и 23 также были взяты у калмыков. Первый интервьюируемый рассказывает о нацистской оккупационной политике на территории Калмыцкого района Ростовской области, национально-территориального образования в составе РСФСР, существовавшего до 1944 г. Респондент говорит о роспуске колхозов и создании Калмыцкого кавалерийского корпуса, коллаборационистского вооруженного формирования. Интервью 23 принадлежит комсомольцу – колхознику из Калмыкии, который описывает жизнь под немецкой оккупацией. Он свидетельствует о хаотическом отступлении Красной армии, первоначально настороженном отношении населения к немцам, но также и о том, как многие оказались довольны разделом колхозного скота, возрождением религиозных и национальных обрядов.

Целый ряд интервью принадлежит руководителям национальных движений на Кавказе. Респондент в интервью 78 – глава грузинского национального комитета, представивший краткую справку о национальных комитетах, а также о грузинских деятелях, сотрудничавших с оккупационными властями. За ним следует интервью 81. Имя респондента в этом случае также можно реконструировать с большой долей вероятности. Это Ахмед Наби Магома – глава коллаборационистского Северокавказского комитета. Его интервью – это подробный рассказ о Северокавказском, Азербайджанском, Грузинском и Армянском комитетах, действовавших во время Второй мировой войны. Интервью показывает сложное взаимодействие между национальными комитетами и политическими и административными структурами Третьего рейха. Серию этих интервью дополняет интервью 89, которое также было взято у одного из членов Северокавказского национального комитета. Респондент был представителем местной интеллигенции и детально описал историю возникновения различных национальных политических формирований на Кавказе. Он показывает, что в этом регионе нацистская политика была более мягкой, чем в других оккупированных районах; зато более жесткими были репрессии со стороны возвратившейся советской власти. О создании повстанческих горских отрядов на Кавказе, а также о возникновении «национальных правительств» под нацистской властью говорит и респондент интервью 101 – уроженец Кавказа, являвшийся представителем главного управления СС в регионе. Наиболее яркая часть его интервью – это описание пораженческих настроений в начале войны, охвативших даже некоторых секретарей райкомов партии и местных наркомов, которые отказались эвакуироваться. О национальных вооруженных формированиях на Кавказе рассказывает и респондент интервью 182. Осетин по национально-

сти, он служил под оккупационной властью в полиции. Он описывает попытки немцев привлечь осетин на свою сторону и организовать управление при поддержке приехавших в край осетин из числа бывших эмигрантов. Впрочем, значительная часть его интервью посвящена его долговому пути из Осетии, через территорию Украины, Белоруссии и Польши, приведшему автора в итоге в Италию.

Интервью 135 и 160 рассказывают об азербайджанских организациях под оккупационной властью. Автором первого из этих интервью с большой долей вероятности являлся Фаталибейли-Дудегинский Абдуррахман Али оглы – один из руководителей азербайджанского национального движения. Он описывает деятельность кавказских национальных воинских соединений и движение за независимость, во главе которого стояли азербайджанские эмигранты. Он рассказывает также о собственной политической программе, включавшей отказ от пандвижений и утверждение общности интересов населения Кавказа. В центре его изложения стоит сложное взаимодействие национальных комитетов и германского руководства. Его рассказ дополняет интервью 160; респондент – Меджид Мусазаде, редактировавший с 1942 по 1945 г. газету «Азербайджан» – пропагандистское издание азербайджанского легиона, сотрудничавшего с немцами. Респондент рассказывает о взаимоотношениях редакции с немецким руководством, о различных кавказских национальных комитетах и неспособности немцев использовать содействие азербайджанцев для общей пользы.

О неудачной национальной политике нацистов рассказывает также респондент интервью 106. В центре его изложения – положение в Крыму. Сам респондент – председатель Крымского национального комитета. Он пытается дать оценку немецкой политики в Крыму, а также описывает попытки представителей крымского татарского населения создать национальное правительство в условиях оккупации. Его рассказ – энциклопедический по подробностям и охвату действующих лиц, участвовавших в татарском национальном движении в Крыму. Ярче всего в интервью просвечивается недовольство немецкой национальной политикой, которая, по мнению респондента, была слишком нерешительной, а уступки – слишком запоздалыми.

Респондент еще одного интервью, под номером 122, сотрудничал с Татарским национальным комитетом в Германии. Его история вначале во многом напоминает интервью из первой группы: служба в Красной армии – плен, куда автор попал осенью 1941 г., – описание лагеря в Псковской области, где военнопленные массово гибли от холода, голода и болезней. Оказавшись переведенным в Германию, респондент – татарин по национальности – выразил согласие сотру-

ничать с Татарским национальным комитетом. В интервью рассказывает не только о деятельности этого комитета, но и о других национальных коллаборационистских формированиях. Примечательны рассуждения респондента о том, как и почему он – редактор коллаборационистской татарской газеты – поддерживал движение Власова.

К «национальным» интервью примыкает интервью 141; респондент – уроженец деревни из Минской области. Он рассказывает о политике немцев в Белоруссии и создании белорусских формирований вермахта. Как и многих его односельчан, респондента в первую очередь заботило отношение немцев к колхозной системе. Он детально описывает, как крестьяне, воспользовавшись двусмысленностью немецкой политики, разделили колхозную землю, скот и имущество. Это интервью – интересный источник, сообщающий также о немецкой пропаганде, выпускавшихся газетах и плакатах, школьном преподавании. Респондент также рассказывает о структуре местной полиции и в подробностях сообщает о создании национальных военных и гражданских образований, таких как Белорусский корпус самообороны и Союз белорусской молодежи.

Наряду с упоминаниями о национальном движении в Белоруссии среди интервью имеются и тексты об украинском национальном движении. Так, интервью 314 принадлежит молодому человеку, уроженцу Украины, который примкнул в 1944 г. к Украинской повстанческой армии. Его интервью – это живой рассказ о жизни Украины под оккупацией, а также о взаимоотношениях внутри Украинской повстанческой армии.

Приведенные выше тематические категории условны. Во многих текстах переплетены сразу несколько тем: например, имеются описания и плена, и жизни под оккупацией, и национальных формирований. Некоторые из интервью вообще не вписываются ни в одну из выделенных категорий, например, интервью 138, которое принадлежит уже перебежчику послевоенного времени. Оно переносит читателя за границы СССР и рассказывает о деятельности советской миссии, занимавшейся репатриацией советских граждан из Италии. Автор после войны находился в Риме и работал шофером при советской миссии. Решив не возвращаться в СССР, он описывает многие случаи из практики миссии, когда люди предпринимали невероятные усилия, чтобы избежать репатриации, опасаясь за свою дальнейшую судьбу.

Представленные в томе интервью, как и все другие интервью Гарвардского проекта, имеются лишь в виде машинописной копии в переводе на английский язык³⁹. Исходные материалы проекта – а сами интервью брались по-русски или по-украински – не сохранились. При подготовке к публикации все интервью были расшиф-

рованы и переведены на русский язык. Несмотря на то что в текстах интервью имена респондентов не указаны, что было условием проекта, идентифицировать многие из них удалось из общего контекста, а также на основе рукописных пометок Александра Даллина, который проводил интервьюирование. Они обнаружены О.В. Будницким в личном фонде Даллина в Гуверовском архиве⁴⁰. В примечаниях приведены некоторые общие сведения о респондентах, в частности о тех, чью идентичность установить не удалось, на основе кратких анкетных данных, имеющихся в материалах Гарвардского проекта⁴¹. Насколько этично указывать имена респондентов, если условием интервьюирования была анонимность? Публикаторы, естественно, обсуждали этот вопрос. Вопрос, до некоторой степени вечный для историков, имеющих дело с источниками личного происхождения. Полагаем, что обстоятельства, обусловившие сохранение анонимности интервью, давно миновали. Ведь главной причиной были опасения преследований со стороны советских спецслужб. Эта проблема снята историей и временем. Более того, учитывая опубликованные со времен осуществления Гарвардского проекта воспоминания, документы, исследования, имена некоторых респондентов не являются для специалистов секретом.

Так как в основе машинописного текста лежит устное интервью, даже в обратном переводе на русский язык многие из этих текстов сохранили несложную стилистику устной речи. Но они позволяют нам, спустя более 65 лет после того, как эти тексты были записаны, вновь слышать живые свидетельства современников, отразившие ужас войны и настроения значительной части жителей страны, оказавшихся под оккупацией.

Интервью 10-го тома материалов Гарвардского проекта публикуются здесь полностью и без купюр. Интервью приведены под теми номерами и в том порядке, в котором они расположены в материалах проекта. Заголовки к ним были даны публикаторами. При подготовке комментариев публикаторы опирались на ряд исследований и справочных изданий, в частности: *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945. М.: Посев, 2009; *Генерал Власов: история предательства: в 2 т.: в 3 кн.* / под ред. А.Н. Артизова. М.: Политическая энциклопедия, 2015; *Гилязов И.А.* Легион Идель-Урал. М.: Вече, 2009; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: АСТ, 2004; *Мамулия Г.Г.* Грузинский легион вермахта. М.: Вече, 2011; *Мамулия Г., Абуталыбов Р.* Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции 1920–1945 гг. Париж; Баку: CBS, 2014; *Незабытые могилы:*

Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. М.: Пашков дом, 1999–2007; *Dallin A. German rule in Russia, 1941–1945: a study of occupation policies.* London: Macmillan, 1957; *Hoffmann J. Die Tragödie der “Russischen Befreiungsarmee” 1944/45: Wlassow gegen Stalin.* 2 Aufl. München: Herbig, 2003. Кроме того, были использованы другие работы, сведения о которых приведены в примечаниях.

Публикаторы хотели бы высказать искреннюю признательность за предоставленные материалы и содействие в подготовке данного издания сотрудникам Дэвис Центра Библиотеки Гарвардского университета – Александре Вакроу (Vastoux), Хью Труслоу (Truslow) и Светлане Рукелман (Rukhelman). Также мы благодарим Дэвида Бранденбергера (Brandenberger) и Майкла Дэвид-Фокса (David-Fox) за неоценимую помощь и советы.

Мы надеемся, что итоговый продукт нашей работы будет интересен не только специалистам, но и всем, интересующимся историей Великой Отечественной войны.